

УДК 82(091) "19"

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94

МИФОГЕННЫЙ И МИФОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА. РОМАНТИЗМ (ЧАСТЬ I)

Козин А. А., Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование процессов мифологизации, характеризующих стратегии развития романтизма в зарубежных странах.

Процедура и методы. На основе анализа репрезентативных литературных феноменов рассматриваются социокультурный и эстетический генезис, трансформации, свойственные парадигме мифа на разных этапах эволюции романтизма в разных странах. Методологическая основа исследования: мифологические направления литературоведения, герменевтика, современная компаративистика, рецептивная эстетика, с элементами социокритики и структуралистского подхода.

Результаты. Произошедший в романтизме переход к «самоценности личности», возникновение новых личностных моделей определили особенности мифологизации в первую очередь в изображении героя. Рассматриваются отдельные аспекты периода становления и расцвета романтической эстетики вплоть до трансформации её в символизме, явившем в литературе новую стадию мифологизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Концепция литературного мифа как текста и гипертекста культуры, ассоциативно или опосредованно производными от него, может быть использована в дальнейших исследованиях о романтизме.

Ключевые слова: гипертекстуальность, литературный миф, мифогенезис, мифологизация, мифопоэтика, романтизм

MYTHOGENIC AND MYTH-CREATING POTENTIAL OF IMAGES IN FOREIGN LITERATURE OF THE XIX CENTURY. ROMANTICISM (PART I)

A. Kozin, N. Litvinenko, I. Lunina, O. Redina

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. We study processes of mythologization that characterize the strategies for the development of Romanticism in foreign countries.

Methodology. Using the analysis of representative literary phenomena, we consider the sociocultural and aesthetic genesis, as well as transformations inherent in the hero's paradigm at different stages of evolution of Romanticism in different countries. The methodological basis of the research relies on mythological directions of literary criticism, hermeneutics, modern comparative studies, and receptive aesthetics, with elements of sociocriticism and structuralist approach.

Results. The transition to the "intrinsic value of the individual" that took place during Romanticism and the emergence of new personal models determines the features of mythologization, first of all, in the image of the hero. Certain aspects of the period of the formation and flourishing of romantic aesthetics up to its transformation in symbolism are considered, which reveals a new stage of mythologism in literature.

Research implications. The concept of a literary myth as a text and hypertext of culture, associatively or indirectly derived from it, can be used in further research on Romanticism.

Keywords: hypertextuality, literary myth, mythogenesis, mythologization, mythopoetics, Romanticism

Введение

Проблемы изучения мифогенезиса и мифологизации литературы XIX столетия, романтизма остаются в центре исследовательского внимания гуманитариев на протяжении всех последующих эпох [9]. Огромный мифотворческий потенциал литературы XIX в. востребован литературой не только модернизма, но и постмодернизма, постпостмодернизма [12; 13]. Наша цель – обозначить генезис и отдельные векторы мифологизации, характеризующие литературный процесс в XIX в., трансформации и переосмысление моделей и традиций, значимых проблемно-эстетических комплексов, символически стягивающих в образах-мифах новую социокультурную и личностную парадигму [6]. Обновлённая и востребованная в романтизме, она восходит к «основным» мифам, к религиозным мифам [7; 8], древним художественным архетипам и традициям предшествующих веков. В XIX в., в условиях социальных, национально-исторических потрясений, революционных и постреволюционных эпох, она вбирает и структурирует новые исторические, биографические и литературно-эстетические, социокультурные мифы, которые взаимодействуют между собой и связывают «современность» с универсальными ценностными представлениями, выработанными или вырабатываемыми древней и современной культурой. Мы стремимся обозначить типологическую природу формирующихся на этой основе литературных феноменов и процессов. В пределах небольшой работы (первой из запланированного цикла) мы обозначим отдельные особенности генезиса и эволюции данных явлений.

При обилии трудов, посвящённых проблемам специфики мифотворчества и мифологизма в зарубежных литературах XIX в.¹, генезис мифов, процессы перерастания образа в миф, их масштабные

социокультурные «типологизации» и клиширования остаются недостаточно изученными, как и взаимодействие инвариантов мифологизированных представлений и образов на внутринациональной и межнациональной основе. Обозначенный процесс в XIX в. затрагивает произведения не только романтизма, но и «смежных» с ним или родственных ему литературных направлений, разнообразные жанровые формы развития литературы. Остаётся актуальным изучение мифогенной специфики не только литературных, но и связанных с ними новых социокультурных мифов, участвующих в формировании «нового опыта свободы» – эстетической и гражданской. Сохраняет актуальность изучение литературного мифа как гипертекста.

XIX в. – новая эпоха формирования и исследования мифов, рождения научных направлений в их изучении, возникновения «персонифицированных» мифов. «После Гёте и В. фон Гумбольдта, Дидро и Бюффона, Канта и Фихте, после романтиков идеалом впервые была осознана “индивидуальность” и “личность”», – пишет Л. Баткин, относивший рождение этого феномена (XV–XIX вв.) к «всемирно-исторической переориентации», сопоставимой по значимости с «осевым временем» возникновения древних цивилизаций» [2, с. 11]. Романтики, отмечает С. Зенкин, искали «в мифах священные заветы предков, корни и первофеномены культуры, а порой и руководство к коллективному действию» [9]. Новая специфика воплощения личностного начала формировалась в мифе о герое, концентрирующем в себе философско-эстетическую и социальную проблематику эпохи, векторы превращения повседневного и исторического опыта в миф.

Исследованием особенностей мифомышления в романтизме занимались не только писатели, поэты, критики (йенские, гейдельбергские, французские, английские, американские романтики), но и представители разных направлений философско-эстетической, гуманитарной мысли каждой из стран [27; 29; 31].

¹ См.: [28]; Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [сайт]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/literature-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries> (дата обращения: 04.04.2022).

Миф в зарубежной литературе эпохи романтизма: проблемы изучения

Мифопространство – широко используемый ресурс обновления, трансформации мотивов, тем, образов, которые восходят к традициям античной, библейской и национальных культур. Возникшие в условиях новой эпохи, мифологические структуры и образы обладают глубокой универсальной и символической семантикой. Изучая их, мы учитываем связи мифа с историей и искусством [11], со спецификой бессознательного и архетипами [23], трансформацию феноменов сакрального и профанного в литературе [22], наличие как формы знания «имагинативного абсолюта» [5]. Для нас важна подчёркиваемая А. Ф. Лосевым «личностная форма» [16] бытия мифа в романтизме, «многосмысленность» романтического мифа, который всегда соединяет прошлое с настоящим и будущим и никогда не пребывает «по ту сторону добра и зла», важно методологически значимое понимание «непрозрачности языка», о которой в связи с теоретическими аспектами изучения мифомышления писал Р. Барт [25]. Вслед за французским литературоведом Бакэ мы рассматриваем миф как своеобразный нарратив. В «складках» мифа исследователь не без основания обнаруживает не только «схему», но и потенциальное наличие нарратива [31], полагая, что именно гипертекстуальность создаёт, в частности, литературный миф, условия для обновления его мифологической основы. И, наоборот, как подчёркивал Леви-Стросс, миф создаёт гипертекстуальность [30], меняющую его горизонты.

Соглашаясь с устоявшимся представлением о неопределённости термина «миф», его сложности и многозначности, связях с категорией художественного образа, процессами символизации в литературе, мы сочли наиболее продуктивным для понимания романтического мифотворчества учесть «структуру референции»¹, обра-

таться к «истокам» – к трудам философа Ф. Шеллинга, который писал об особой роли «абсолютного в ограничении без упразднения абсолютного»; мифология «есть мир и, так сказать, в более торжественном одеянии, в своём абсолютном облике, истинный универсум в себе, образ жизни и полного чуда хаоса в божественном образотворчестве, который уже сам по себе поэзия и всё-таки сам для себя материал и стихия поэзии...» [21, с. 105]. Кассирер констатировал: «Отныне миф предстаёт, равно как и познание, нравственность и искусство, в качестве самостоятельного, замкнутого в себе “мира”, который следует не верить чужим, привнесённым извне мерилom ценности и реальности, а постигать в его имманентных структурных закономерностях» [11]. В этой интерпретации создаваемый художником «истинный универсум» сам по себе, с очевидностью, становится мифом в себе – и «для себя», в своей персонифицированной, лично явленной ипостаси. Творцы его, йенские романтики, Шатобриан, как на другой основе – английский метафизик и поэт Уильям Блейк, американские романтики Э. По и Г. Мелвилл, – формировали поэтику «высокого» романтизма, впитавшего и излучавшего свет философско-эстетических утопий по контрасту с обывательскими дистопиями нового времени.

В социокультурном масштабе европейской и американской литератур «высокий» мифологизм сочетал множество личностных и социокультурных моделей: миф о гении-творце и богоборчество, тоску по идеалу и «томление по истине» – о ребёнке, герое и героях – как центральную мифологему, организующую художественное целое литературных произведений. В метафизическом и трансцендентном пространстве взаимоотражений, поисков высших духовных смыслов романтические мифы взаимодействовали, перекликались, вступали в диалогические связи друг с другом, формируя динамически напряжённое и целостное художественное единство эпохи.

¹ Нидерландский учёный Ф. Р. Анкерсмит цитирует слова Н. Гудмена из книги «Способы создания миров» (1978, рус. 2004): «Если я спрашиваю о мире, вы можете рассказать мне, каков он бывает под углом зрения одной или более структур референции» [1, с. 121–122].

Исчерпывая свои ресурсы, в полемике или в дополнение к ещё не освоенным пластам действительности, в соответствии с парадигмами романтической иронии, они перемещались в сниженно бытовизированные, готически, социально маркированные миры массовой романистики, насыщая их своей энергией, порождая пространство новых модификаций образов-символов, образов-представлений, образов-мифов. Возникали масштабные, универсальные, пребывающие в динамике становления и трансформаций социокультурные исторические мифы о французской революции, американской мечте и викторианской эпохе, «социалистические», прогностические, мифы о будущем и народе, – воплощаемые в символических персонализациях, в античных и библейских мотивах, в образах Героев... Граница между этими литературными пластами могла быть не только отчётливой, но и подвижной, зыбкой, весьма условной.

Помимо собственно «уровневой» «специализации», соотношения высокого и массового в семантическом поле романтического мифа прочерчиваются различия, обусловленные тематическими предметами мифологизации. Так, если обратиться к французской романтической литературе XIX в., можно увидеть, насколько она насыщена историческими мифами – в нарративной историографии (Тьерри, Ламартин, Ж. Мишле) и романистике эпохи (Шатобриан, А. де Виньи, А. Дюма, Э. Сю), социальными мифами (Гюго, Жорж Санд, Э. Сю), эстетическими (кружки, школы, поэтические объединения (Гюго, «битва за романтизм», за «Эрнани», объединение «Парнас», «проклятые поэты»)), театральными (о Фредерике Леметре и Робере Макэре, о Мари Дорваль и Э. Кине), о парижских, и не только парижских дэнди (Дж. Браммел, О. Уайлд, Э. Сю, Ш. Бодлер), в разных странах на основе жизнотворчества новой эпохи возникают литературно-биографические мифы (о Байроне, Жорж Санд, Паганини, Бодлере, Э. По) и т. д. Каждая историческая фигура, каждая биография, каждое произведение,

имевшее успех или открывавшее или множившее эстетические горизонты, личностные художественные модели, приобретало свойства, семантику мифа.

Исследуя древние мифы, английский этнограф Э. Б. Тайлор справедливо подчёркивал особую специфику историзма в мифе, искажающего «реальность», но никогда не уничтожающего историчность полностью¹. Тем очевиднее, что ярко и парадоксально социокультурная и историческая реальность просвечивает в литературных, в том числе персонафицированных мифах XIX в. Считая мифологию «сверстником человечества» и полагая, что мифы «сродни стихам», американский мифолог Дж. Кэмпбелл видел в мифологии «совокупность знаковых сигналов и аффективных образов, пробуждающих и направляющих энергию» [14, с. 23, 203, 237; 26]. Собственно, с этой энергией и рождались литературные мифы.

Литература, культура XIX в. обладали мощными символическими ресурсами [19], которые создают почву для мифологизации. Символисты были убеждены, что символ – «высшее выражение человечества», что миф, как писал Анри де Ренье, «подобен раковине на берегу времени, в которой слышен шум моря, и это море – человечество»². Исторические и литературно-художественные миры вписывались современниками и критиками в пространство сознательно и бессознательно трансформируемых представлений, шла ли речь о революции или борьбе за независимость, о великом Наполеоне, Наполеоне Малом или о Филиппе Орлеанском, «короле-гражданине», «короле-буржуа», «короле-груше». Историческое и литературно-художественное создавали своеобразный симбиоз. «Реальность», получая символи-

¹ Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [сайт]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/literature-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries> (дата обращения: 04.04.2022).

² Ренье А. де. Современные поэты / пер. с фр. Н. Мавлевич // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М.: Московский государственный университет, 1993. С. 455–456.

ческую семантику, приобретала черты неопределённости, постоянно подвергалась пересмотру и переоценке, формируя тот или иной миф или модификацию мифа. Уместно вспомнить слова Петтацони, итальянского историка религий, высказанные в работе «Истина мифа» (1954). «Миф – это реальная история, потому что он – священная история, не только по своему содержанию, но и потому, что он приводит в движение сакральные силы» [20, с. 102]. Это тем более важно осмыслить как универсальное свойство мифов, обнаруживающих новые взаимосвязи с фольклором, древней архаикой, религией, природой, наукой и культурой.

Мифы, как и демифологизация, возникают как результат общекультурного процесса психологической идентификации индивида с символически воспринимаемыми явлениями. Литературовед Жан-Марк Тета, ссылаясь на труды П. Рикёра, пишет о «символических ресурсах культуры», с помощью которых «сам» строит свою идентичность ... Посредничество культурных произведений абсолютно необходимо для выработки личной идентичности» [20, с. 102]. Очевидно, что этот принцип лежит и в основании процессов мифологизации, той особой личностной нарративной или ненарративной модели идентичности, которую разрабатывал и воплощал романтизм.

В литературном персонализированном пространстве мифы становятся носителями совокупных социально-эстетических смыслов [17; 18]. Почву, на которой они произрастали в XIX в., великолепно охарактеризовал В. Гюго в предисловии к сборнику «Осенние листья» (ноябрь 1831 г.): «Внутри страны пересматриваются вновь все решённые уже социальные вопросы; все части политического тела выворачиваются, переплавляются или перековываются в горниле революции, на звонкой наковальне газет; старые слова... преобразуются и меняют свой смысл; эхо трибуны не умолкает в прессе, эхо прессы звучит над трибуной; мятеж притаился и замер... И внутри и вне Франции

колеблются верования, умы возбуждены; новые религии... уже лепечут, предлагая свои рецепты, пригодные с одной стороны и непригодные с другой; старые религии меняют кожу; ... теории, вымыслы, системы везде приходят в столкновение с действительностью; вопрос о будущем уже изучен и исследован так же, как и вопрос о прошлом»; Гюго пишет не только о Франции, но и обо всём Западном мире, стремившемся «вывести и открыто отстоять формулу человечества в девятнадцатом столетии»¹. Формула, а точнее, формулы человечества, о которых пишет автор «Собора Парижской богородицы» (1831) – это мифы, которые опрокинуты в прошлое, обращены в будущее, используя метафору Гюго, это та кипящая лава, которая заполняет сознательное и бессознательное общественного сознания, его запросы и ожидания, веру или отблески веры в настоящее и будущее, в золотой век.

Образ Фауста: некоторые аспекты мифологизации

Мифогенезис многих процессов мифотворчества на рубеже XVIII–XIX вв. был связан с переосмыслением ранее возникших и формирующихся образов, тем, мотивов, опирающихся на опыт не только Античности, но и народных легенд, последующих их обработок и трансформаций. На этом этапе ярко проявляются те разновидности символизма, которые выделял М. Метерлинк. Это «символизм бессознательный, который сопутствует произведению помимо воли его творца, часто даже вопреки ей, превосходя его замыслы», и «символизм ... умозрительный, преднамеренный», который «возникает из сознательного желания облечь в плоть и кровь некую мыслительную абстракцию»².

¹ Гюго В. Предисловие к сборнику «Осенние листья» [Электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/rulizar/nonf_publicism/gyugo/0/j29.html (дата обращения 15.03.2022).

² Метерлинк М. Интервью (1901) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдородора / сост. Г. К. Косиков. М.: Московский государственный университет, 1993. С. 441–444.

Умозрительный символизм сродни аллегории, считает Метерлинк, – и видит его прообраз во второй части «Фауста» Гёте.

Вокруг образа Фауста стараниями ряда литераторов, не только немецких, образовалось внушительное мифологическое пространство, позволяющее проводить аналогии в области мифотворчества как такового: «Истоки фаустовского мифа можно обнаружить в глубоком прошлом – в форме легенд. Среди них, полагает А. Н. Богомолов, особенно значима история о Симоне-маге, история о Киприане и Юстинии, а также о Феофиле. В этих сюжетах присутствует момент сговора с нечистой силой» [3, с. 63]. Литературоведы отмечают популярность книги И. Шписа «История о докторе Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике» (*Historia von Dr. Iohann Fausten, dem weitbeschreiten Zauberer und Schwartzkünstler etc.*, 1587), которая, как отмечает Г. Г. Ишимбаева [10, с. 11], стала «прецедентным текстом», явилась отправной точкой эстетического метаболизма эпохального образа.

Его литературные интерполяции начались уже в XVI в., когда К. Марло в «Трагической истории доктора Фауста» (*The Tragical History of Doctor Faustus*, 1604) предпринял попытку посмотреть на знаменитого шарлатана-чернокнижника «изнутри» с позиций позднего Ренессанса. Идея учёного-недоучки обрела положительную коннотацию – стремления к знаниям, а его мелочная натура раздулась до вселенской гордыни. Ирония Марло относительно всепача человека проявилась наглядно и ярко, и после векового перерыва мощно прозвучала в Германии, и сам Фауст стал сложнее – вобрал в себя многие тенденции, навеянные духом Просвещения. В романе Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» («*Fausts Leben, Thaten und Höllenfahrt*», 1791) он, помимо идеи носителя прогресса, исполнен донжуанской чувственной разнузданности, которая затмила все его более или менее созидательные способности и, в конечном счёте, привела в преисподнюю. Кроме того, по замечанию Г. В. Якушевой, он соотнесён

с одним из первопечатников Иоганном Фаустом (Фустом), помощником и соперником И. Гутенберга, а «книга – высший дар Просвещения – трактуется ... не только как инструмент познания истины, но и как орудие её искажения в угоду корысти и тщеславию – “дьявольскому”» в человеке» [24, с. 8]. У Г. Э. Лессинга «Фрагменты к Фаусту» (*Dramenfragmente D. Faust*, 1775) трикстер из Народной книги получает характеристики, свойственные убеждениям «бурных гениев». Здесь отчётливо звучит мысль об изначальной добродетельности Фауста и в то же время о его чрезмерной жажде знаний. Эпохальным явлением в немецкой и, чуть позже, мировой литературе стал «Фауст», созданный И. В. Гёте (*Faust*, 1806, 1831). Гёте вдохнул новую жизнь в фаустиану: с момента появления трагедии уже мало кто ориентировался на народную легенду – герой стал не только новым литературным мифом (как Дон Кихот и Дон Жуан), но и архетипом Нового времени, репрезентацией западного типа личности «фаустовской эры», что было отмечено О. Шпенглером в «Закате Европы».

Секрет мифологической, говоря словами Р. Барта, «непрозрачности» гётевского Фауста (и это давно уже не секрет) кроется в особом подходе Гёте к исследованию природы – в самом широком смысле. Преуспев в области естественных наук, познав, что такое управление государством, виртуозно используя естественнонаучные знания для решения задач в области эстетики и наоборот, Гёте сам собою являл подобие мифа, что и отразилось на образах его трагедии. Они максимально опредмечены и столь же максимально абстрагированы; их поступки закономерны и в то же время зачастую лишены элементарной логики. Тем не менее, всё логично и всё объяснимо, ибо фабульная суть поэмы являет собой систему шифров, которая открывается посредством применения к ней различного рода кодов.

В ряду сложившихся вариантов дешифровки этих кодов есть религиозная интерпретация фаустовского сюжета, которая

представлена в статье «Легенда о Фаусте и идея дьявола» (1945) английской писательницы Дороти Ли Сейерс. Её вклад как автора пьесы о Фаусте «Плата дьяволу» (1939), христианского мыслителя и переводчика «Божественной комедии» Данте отмечает Н. Р. Ленкова [15]. Дороти Ли Сейерс обратила внимание на условия сделки с дьяволом, которые зачастую символизируют то, что превыше всего ценится в ту или иную культурную эпоху. Для Ренессанса (К. Марло) – это человеческий разум, чувственные удовольствия, путешествия. Для Просвещения – знание, прогресс, совершенствование. И Гёте, утверждая в поэме «оптимистический взгляд оптимистической эпохи», обманывается, по мнению Ли Сейерс, в отношении лёгкой одолжимости зла [32].

В литературном мифе о Фаусте Дороти Ли Сейерс раскрывает тот высший символический смысл, который Данте упоминал как анагогический, но вписывает его в конкретный исторический контекст – пору второй мировой войны.

Заключение

Миф о Фаусте, как и многие другие мифопоэмы, мифодрамы, мифороманы, взывает к исторической памяти, национальным традициям, к современным и историческим аллюзиям, к наследию и жизни культуры, религиозному пониманию Добра и Зла, пробуждая и трансформируя скрытые смыслы. Миф рождается в том числе из метафоры и символа, может накапливать свои деструктивные и обновляющие ресурсы, варьируя те или иные эстетические признаки и мотивы.

На основе ассоциативных семиотических знаков, метафор и мифологем, текстовых и подтекстовых стратегий он пробуждает мощные архетипические пласты бессознательного и культуры. Литературные мифы формируют свою читательскую аудиторию, но и читательская аудитория, общественно-эстетическое сознание, откликающееся на запросы времени, формируют мифопространство эпохи. В этом процессе участвуют писатели, поэты, художники, журналисты, литературные критики, интерпретирующие, тиражирующие тот или иной миф, увеличивающие его силу. Французский литературовед Пьер Брюнель использует выражение «иррадиации мифа» [30]. Они создают и углубляют связи «реального» с «воображаемым».

Французские литературоведы пишут о «воображаемом» конкретной личности, целого народа, определённой эпохи. В это понятие они включают околонучные формы знания, религиозные верования, научную фантастику, нереалистическое искусство, политические стереотипы и социальные предрассудки [4]. Уточним: воображаемое входит в структуру не только творческого акта, но и рецепции, создания образа и мифа. Репродуктивное или символическое, оно обладает творческим потенциалом, тяготеет к системному объединению образов, которые несут в себе принцип самоорганизации, позволяющий «воображаемому» постоянно обновляться [4], формируя и видоизменяя миф, включая его в «бесконечную и всемирную игру интертекстуальных переключек» [10].

Статья поступила в редакцию 31.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Баткин Л. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 279 с.
3. Богомолов А. Н. Рождение мифа о Фаусте на Западе в XVI в. // Миф в истории, политике, культуре. 2020. № 4. С. 62–66.
4. Вальтер Ф. Сегодняшний день французской школы сравнительной мифологии (На материале романов о короле Артуре XII–XIII веков) // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 164–188.
5. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Университетская книга, 2010. 218 с.
6. Григорьев Н. В. Соотношение мифа и искусства в культуре (историко-теоретическое исследова-

- ние) // Теория и история культуры в РГПУ им. А. И. Герцена. 1988–2018 / под ред. И. И. Докучаева, Л. М. Мосоловой. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 30–129.
7. Давыдов И. П. Философия религиозного мифа // Давыдов И. П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. С. 117–168.
  8. Ефремова Л. В. Научный подход к мифологии: «Поэтика мифа» Е. М. Мелетинского // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 188–191.
  9. Зенкин С. Работа с мифом (Заметки о теории) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo> (дата обращения: 15.03.2022).
  10. Ишимбаева Г. Г. Миф о Фаусте и его трансформация в немецкой литературе и философии XVI–XX вв. // Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд: сборник аннотаций докладов Всероссийской научной конференции / сост. Н. В. Захаров, В. С. Макаров, Б. Н. Гайдин. М.: Московский гуманитарный университет, 2018. С. 11.
  11. Кассирер Э. Философия символических форм: в 2 т. Т. 2. Мифологическое мышление / пер. С. А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.
  12. Корнилова Е. Н. Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. М.: Наследие, 2001. 247 с.
  13. Косыхин В. Г. За пределами постмодернизма: Жан Бодрийяр и другое пространство мифа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 2. С. 124–128.
  14. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить / пер. с англ. К. Семёнова. М.; Киев: Гелиос: София, 2002. 256 с.
  15. Ленкова Н. Р. Английская фаустиана XX века. М.: Флинта, 2000. 199 с.
  16. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
  17. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. 170 с.
  18. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2006. 407 с.
  19. Рикёр П. Символика интерпретации зла // Рикёр П. Конфликт интерпретаций / пер. И. С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. С. 373–511.
  20. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции теории Поля Рикёра / пер. М. Маяцкого // Социологическое обозрение. 2012. № 2. Т. 11. С. 100–120.
  21. Шеллинг Ф. Философия искусства / пер. И. С. Попова. СПб.: Алтейя, 1996. 496 с.
  22. Элиаде М. Священное и мирское / пер. Н. К. Гарбовского. М.: Московский государственный университет, 1994. 144 с.
  23. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. А. Чечиной. М., АСТ, 2019. 495 с.
  24. Якушева Г. В. Фауст в искушениях XX века. М.: Наука, 2005. 235 с.
  25. Barthes R. Mythologies. Paris: Éditions du Seuil, 1957. 267 p.
  26. Campbell J. Mythes to live // forew. F. E. Johnson. 2 print. New York: Viking Press, 1972. 276 p.
  27. Brunel P. Mythocritique: Théorie et parcours. Paris: Presses univ. de France, 1992. 294 p.
  28. Cellier L. Lépopée humanitaire et les grands mythes romantiques Paris: Classiques Garnier, 2022. 484 p.
  29. Foeller-Pituch E. Classical Myths in the Works of Nineteenth-Century American Writers // International Journal of the Classical Tradition. 1995. № 3. Vol. 1. P. 98–108.
  30. Lévi-Strauss Cl. L'Homme nu. Paris: Plon, 1971. 560 p.
  31. Moreau M. Le mythe, thème & variations [Электронный ресурс] // Acta fabula. 2011. Vol. 12. № 2. URL: <http://www.fabula.org/revue/document6139.php> (дата обращения: 27.05.2020).
  32. Sayers D. L. The Faust Legend and the Idea of the Devil // The Poetry of Search and the Poetry of Statement (And Other Posthumous Essays on Literature, Religion and Language). London: Victor Gollancz Ltd, 1963. 286 p.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor (Рус. ed.: Kukartsev M., Kolomoets E., Kataev V., transl. *Istoriya i tropologiya: vzlyot i padenie metafory*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2003. 496 p.).
2. Batkin L. *Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti* [Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 279 p.
3. Bogomolov A. N. [The Birth of the Myth of Faust in the West in the 16th Century]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture], 2020, no. 4, pp. 62–66.

4. Val'ter F. [The Present Day of the French School of Comparative Mythology (Based on the Arthurian Novels of the 12th–13th Centuries)]. In: *Voprosy literatury* [Topics in Literature], 2007, no. 2, pp. 164–188.
5. Golosovker Ya. E. *Logika mifa* [The Logic of Myth], Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2010. 218 p.
6. Grigor'ev N. V. [Correlation between Myth and Art in Culture (Historical and Theoretical Study)]. In: Dokuchaev I. I., Mosolova L. M., eds. *Teoriya i istoriya kul'tury v RGPU im. A. I. Gertsena. 1988–2018* [Theory and History of Culture at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 1988–2018]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2021, pp. 30–129.
7. Davydov I. P. [Philosophy of Religious Myth]. In: Davydov I. P. *Khram i ritual: sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021, pp. 117–168.
8. Efremova L. V. [Scientific Approach to Mythology: “Poetics of Myth” by E. M. Meletinsky]. In: *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2020, no. 10, pp. 188–191.
9. Zenkin S. [Work with the Myth (Notes on Theory)]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2011, no. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo> (accessed: 15.03.2022).
10. Ishimbaeva G. G. [The Myth of Faust and Its Transformation in German Literature and Philosophy of the 16th–20th Centuries]. In: Zaharov N. V., Makarov V. S., Gaidin B. N., eds. *Kristofer Marlo i ego tvorchestvo v russkoi i mirovoi kul'ture: mezhdisciplinarnyi vzglyad: sbornik annotatsii dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Christopher Marlo and his Work in Russian and World Culture: An Interdisciplinary View: A Collection of Abstracts of Reports of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2018, p. 11.
11. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2 (Rus. ed.: Romashko S. A., transl. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2. Mifologicheskoe myshlenie*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 280 p.).
12. Kornilova E. N. *Mifologicheskoe soznanie i mifopoetika zapadnoevropeiskogo romantizma* [Mythological Consciousness and Mythopoetics of Western European Romanticism]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. 247 p.
13. Kosyhin V. G. [Beyond Postmodernism: Jean Baudrillard and Another Space of Myth]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 124–128.
14. Campbell J. Myths to Live (Rus. ed.: Semyonov K., transl. *Mify, v kotorykh nam zhit'*. Moscow, Kiev, Gelios Publ., Sofiya Publ., 2002. 256 p.).
15. Lenkova N. R. *Angliiskaya faustiana XX veka* [English Faustiana of the XX century]. Moscow, Flinta Publ., 2000. 199 p.
16. Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Mif. Number. Essence]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 919 p.
17. Meletinsky E. M. *Ot mifa k literature* [From Myth to Literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019. 170 p.
18. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poets of Myth]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2006. 407 p.
19. Ricoeur P. The Symbolism of Evil (Rus. ed.: Vdovina I. S., transl. *Simvolika interpretatsii zla*. In: Ricoeur P. *Konflikt interpretatsii* [Conflict of Interpretations]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, pp. 373–511).
20. Tétaz J.-M. Narrative Identity as a Theory of Practical Subjectivity. On the Reconstruction of the Theory of Paul Ricoeur (Rus. ed.: Mayacky M., transl. *Narrativnaya identichnost' kak teoriya prakticheskoi sub'ektivnosti. K rekonstruktsii teorii Polya Rikyora*. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2012, no. 2, vol. 11, pp. 100–120).
21. Schelling F. Philosophy of Art (Rus. ed.: Popov I. S., transl. *Filosofiya iskusstva*. St. Petersburg, Alteiya Publ., 1996. 496 p.).
22. Eliade M. The Sacred and The Profane: The Nature of Religion (Rus. ed.: Garbovsky N. K., transl. *Svyashchennoe i mirskoe*. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 144 p.).
23. Jung C. G. The Archetypes and The Collective Unconscious (Rus. ed.: Chehina A. A., transl. *Arkhetypy i kollektivnoe bessoznatel'noe*. Moscow, AST Publ., 2019. 495 p.).
24. Yakusheva G. V. *Faust v iskusheniyakh XX veka* [Faust in the Temptations of the Twentieth Century]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 235 p.
25. Barthes R. *Mythologies*. Paris, Éditions du Seuil, 1957. 267 p.
26. Campbell J. *Mythes to live*. New York, Viking Press, 1972. 276 p.
27. Brunel P. *Mythocritique: Théorie et parcours*. Paris, Presses univ. de France, 1992. 294 p.

28. Cellier L. *Lépopée humanitaire et les grands mythes romantiques* Paris, Classiques Garnier, 2022. 484 p.
29. Foeller-Pituch E. Classical Myths in the Works of Nineteenth-Century American Writers. In: *International Journal of the Classical Tradition*, 1995, no. 3, vol. 1, pp. 98–108.
30. Lévi-Strauss Cl. *L'Homme nu*. Paris, Plon, 1971. 560 p.
31. Moreau M. Le mythe, thème & variations. In: *Acta fabula*, 2011, vol. 12, no. 2. Available at: <http://www.fabula.org/revue/document6139.php> (accessed: 27.05.2020).
32. Sayers D. L. The Faust Legend and the Idea of the Devil. In: *The Poetry of Search and the Poetry of Statement (And Other Posthumous Essays on Literature, Religion and Language)*. London, Victor Golanch Ltd, 1963. 286 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: kozzin@mail.ru

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru

Редина Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: olgaredina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Kozin – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: kozzin@mail.ru

Ninel A. Litvinenko – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

Irina E. Lunina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: lounir_odin@mail.ru

Olga N. Redina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: olgaredina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I) / А. А. Козин, Н. А. Литвиненко, И. Е. Лунина, О. Н. Редина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 85–94.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94

FOR CITATION

Kozin A. A., Litvinenko N. A., Lunina I. E., Redina O. N. Mythogenic and Myth-creating Potential of Images in Foreign Literature of the 19th century. Romanticism (Part I). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 85–94.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94